

УДК 821.161.1-3

**ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ
В. Я. ШИШКОВА «СТРАННИКИ»****С. В. Глушков**

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье на основе анализа повести В. Я. Шишкова «Странники» обосновывается правомерность определения творчества В. Я. Шишкова как христианского по своей мировоззренческой основе, а также выдвигается версия о вынужденной переделке повести ввиду жесткой критики ее первоначального варианта со стороны А. М. Горького.

Ключевые слова: христианские мотивы, нравственный конфликт, любовь, смерть, В. Я. Шишков.

У повести «Странники» странная судьба. Читательское внимание к этой повести, написанной более 80 лет назад и объемом более напоминающей солидный роман, отличается удивительным постоянством, что выражается во множестве переизданий как отдельных, так и в сборниках и собраниях сочинений писателя. Самое последнее издание «Странников» вышло в 2011 году, так что, по мнению издателей, и читателю XXI века проблематика повести достаточно интересна. Но в книгах о Вячеславе Шишкове и о его творчестве ей уделено на удивление мало внимания. Например, в самой известной биографической книге Н. Х. Еселева и трем годам жизни Шишкова, отданным работе над «Странниками», и самой повести уделено менее трех страниц [2, с. 122–124]. А в монографии Н. Н. Яновского о творчестве Шишкова она даже не упомянута! Приведен лишь резко отрицательный отзыв А. М. Горького о публикации в журнале «Красная новь» ее первой части «Филька и Амелька», вышедшей как самостоятельное произведение [4, с. 177]. Не много внимания уделяли «Странникам» и исследователи более позднего времени.

Чем же вызвано такое расхождение между читателями и профессиональными критиками и литературоведами?

Для ответа на этот вопрос рискну обратиться к собственному читательскому опыту. Известный «зеленый» 8-томник Вячеслава Шишкова я читал по мере того, как нам приходили по подписке очередные тома. Было мне в ту пору от 13 до 15 лет, то есть я был в возрасте Фильки – одного из героев «Странников». Неудивительно, что повесть «забрала» меня даже больше, чем «Угрюм-река» и «Емельян Пугачев». Перечитывая ее полвека спустя и воскрешая в памяти читательские переживания своего отрочества, я обратил внимание на то, что ярче всего, порой вплоть до мелких деталей, помнятся эпизоды из той самой обруганной Горьким первой части, где, собственно, и представлена жизнь беспризорников. А вторую и третью части, где речь идет об их «перековке», я практически не помнил и читал как бы вновь.

Но и теперь, с высоты обретенного за эти десятилетия житейского и читательского опыта, я отметил, что первая и две последние части повести заметно отличаются друг от друга. У них разный дух, разная направленность, и эта разность не

преодолевается общностью героев и видимым единством фабулы. При более внимательном рассмотрении и сюжеты оказываются разными.

В «Фильке и Амелке» герои предоставлены сами себе. Они действительно «странники» в истолкованном Владимиром Далем значении этого слова – «скиталец, бездомный проходимец». Исходя именно из этого значения, беспризорники высекают фамилию «Странников» над могилой умершего собрата. Но корень этого слова многозначен. *Станный* – это и посторонний, нездешний, чужой, и в то же время необычайный, особенный [1, с. 335–336]. В первой части повести герои-подростки, действительно, как бы отстранены от участия в основном потоке социальной жизни, но каждый из них – особенный человек, не теряющий своей особенности и в той полуживотной стае, в которую они сбились.

Раскрывая внутреннюю жизнь Фильки и Амелки, писатель выявляет главный, нравственный по сути конфликт, переживаемый ими. Он представлен как конфликт с собственной совестью. И голос совести не случайно сильнее оказывается у младшего Фильки, который во всех перипетиях своей скитальческой, бездомной жизни сохраняет воспринятую с ранних лет веру.

Уже на первой странице повести ставший вскоре его наставником слепец Нефед поддерживает порыв голодного мальчугана накормить собаку, вспоминая фразу из Псалтири: «Блажен, иже и скоты милует...» [3, с. 129]. Их странничество с Нефедом, наполненное песнями и стихами, очевидно относящимися к разряду народной духовной поэзии, Шишков называет «красной жизнью» [Там же, с. 131]. Но и оторванный от этой жизни Амелкой, соблазненным его плиткой шоколада, Филька душой остается с Нефедом, с теми же стихами, которые он распевает теперь в трущобе с беспризорниками. Это пение, собственно, и делает его «странником» – странным посетителем этого бесприютного мирка, в котором зло так тесно переплетено с добром, вернее, с естественной тягой к добру, что отделить одно от другого малоопытному Фильке совсем не просто. Но и оступаясь, и ошибаясь, и даже начиная, как пишет Шишков, «въедаться в волчью жизнь бездомников» [Там же, с. 150], Филька сохраняет присущую ему чистоту. Шишков прямо указывает, что основа этой чистоты – вера. Когда они встречаются с Амелкой уже после тюрьмы и многих испытаний, его приятель первым делом спрашивает, заметив, что Филька крестится, слышав колокольный звон: «Веришь?» – «Верю», – не задумываясь, отвечает Филька. И далее следует характерная авторская ремарка: «Амелка молча улыбнулся» [Там же, с. 403].

В сущности, старший годами и являющийся к тому же главарем шайки беспризорников Амелка все время находится под влиянием Фильки, которого он опекает и защищает именно потому, что видит в нем ту чистоту, к которой неодолимо тянет его самого. Но принять его веру у Амелки не получается. Что и неудивительно: слишком далеко отстоит от храма их бесприютная жизнь. Они лишены не только дома, но и возможности очистить свои заблудшие души покаянием и молитвой.

Филька влечет к себе не только Амелку. Вот маленькая, пяти-шестилетняя Лизка «незаметно тянется к Филькиному сердцу» [Там же, с. 161]. Ребенок мечтает уйти в монастырь, куда ее зовет такой же беспризорный малыш Петенька. Мальчик, переживший смерть родителей, умеет играть только в погост, только могилки строит он на песке. С чужими он не говорит, но на ласковое обращение Фильки откликается сразу, рассказывая, как он приходит на свои «могилки» и молится. «Как же ты молишься?» – спрашивает его Филька. «Петька заморгал воспаленными больными глазами, потер их грязным кулаком и прошептал: – Никак» [Там же, с. 163].

Таких пронзительных эпизодов немало в первой части повести. С необычайной яркостью и огромным сочувствием описывая безрадостное существование

обитателей заброшенной баржи, писатель ясно дает понять, что от изнуряющей, выматывающей юные души борьбы за существование беспризорников может отвлечь только любовь, о которой мечтает каждый из них. Зримым воплощением этой любви для всей банды стала 13-летняя мать, получившая прозвище Майский Цветок. Ее окружают всеобщей заботой, одаривают краденными вещами, вином и фруктами. Амелка объясняет пораженному видом девочки-матери Фильке: «Майский Цветок просила, чтоб, значит, аборт; ну, мы отсоветовали ей, не допустили. Да. И очень распрекрасно сделали. Теперича у нас какая-то заправдышная забота есть, чтобы, значит, матери с сыном было хорошо». Филька тут же «звонко, трогательно, с большим чувством» поет православную стихирю, осуждающую аборт, от которой «всем троим стало хорошо» [Там же, с. 140].

Подлинным именем Майского Цветка – Мария – писатель как бы напоминает читателю о том, что мать с младенцем для всякого христиански мыслящего человека представляет образ Самой Богородицы, но это ясно и без того.

Удивительно пластично описывает Шишков внешность Майского Цветка, увиденную глазами Фильки: синенькое ситцевое платье, лакированные, но большие, не по ноге, башмаки и браслетка на худой, как палочка, руке. «Хороши задумчивые темные глаза ее: в них была и непонятная скорбь, и что-то детское, обиженное, такое знакомое Фильке» [Там же, с. 139].

Прозвище «Майский Цветок» оказывается пророческим. Жажущая такой же всеобщей любви Дунька Таракан из черной зависти убивает и ее, и ребенка. Жажда любви оборачивается смертью, и только смерть, в которую безбожные полужверьки не хотят верить, напоминает им о вечности, будоража их дремлющую совесть.

О смерти много говорится на всем протяжении повести, но более всего в первой части, которая начинается со смерти родных Фильки и завершается «Большой смертью». Так назвал Шишков последнюю главку этой части, в которой несчастный, вконец запутавшийся Амелка по ошибке убивает самого дорогого для него человека – собственную мать, после чего, обезумев, пытается убить и своего друга Фильку, и самого себя.

Этот финал по сути и по форме представляется именно финалом, не предполагающим продолжения. Нравственная гибель Амелки обусловлена не только внешними, но и внутренними причинами. Беспокойная совесть не привела его ни к вере, ни к добру. Вот как описывает его состояние накануне страшного конца Шишков: «Его душа была охвачена злобной жалостью к своей судьбе, к матери, к убитому белогвардейцами отцу. Инстинкт жестокой мести овладел им вдруг». В порыве злобы он крушит все вокруг. Достается и ни в чем перед ним не повинной старухе-нищенке. Приступ завершается коротким, не облегчившим душу раскаянием. «Бабка! – крикнул он нищенке. – Прости меня, бабка» [Там же, с. 245]. В его понимании восстановить попорченную справедливость можно, только противопоставив злу зло. Поэтому он и выбирает ненавистного «барыгу» в качестве жертвы, руководствуясь, в сущности, тем самым «классовым инстинктом», что так усиленно внедрялся в него окружающим миром. Но вместо «барыги» его жертвой становится собственная мать.

Возникает вопрос: почему, поставив под «Филькой и Амелкой» дату написания «Август – декабрь 1928 г.» и опубликовав эту вполне законченную вещь в журнале как самостоятельное произведение, Вячеслав Шишков взялся писать продолжение? Риску предположить, что к этому решению его привели не столько творческие, сколько совсем иные соображения.

Конечно, ругательный даже не отклик, а окрик Горького, отнесшего «Фильку и Амелку» к разряду «неряшливо состряпанной беллетристики» и назвавшего

повесть небрежной и не заслуживающей оплаты как «высокое искусство», должен был сильно огорчить Шишкова, когда-то, при первых его шагах в литературе, обласканного и поддержанного маститым писателем. Но за этим явно несправедливым, хотя и объяснимым отзывом могли последовать и иные, куда более суровые оценки. Шел 1930 год. В стране разворачивалась насильственная коллективизация, осуществлявшаяся под прикрытием лозунга об «обострении классовой борьбы». А повесть Шишкова, хоть и не явно, классовую ненависть осуждала, как несовместимую с нравственными нормами. Совсем недавно, после выхода в 1928 году первой части романа «Угрюм-река», сибирские РАППовцы уже объявляли Шишкова «классовым врагом». Если же учесть, что заодно с кулачеством репрессиям подвергались и служители церкви, и просто верующие, очевидный христианский дух «Фильки и Амельки», где почти все вызывающие сочувствие автора герои – и дед Нефед, и Филька, и добряк Дизинтёр – люди глубоко верующие, мог стать дополнительной причиной серьезных гонений и на автора, и на саму повесть. Спасти положение могло только «правильное» продолжение, за которое Шишков и взялся явно в ущерб работе над «Угрюм-рекой».

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4 М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. 574 с.
2. Еселев Н.Х. Шишков. М.: Современник, 1976. 239 с.
3. Шишков В.Я. Повести. Минск: Беларусь, 1986. 542 с.
4. Яновский Н.Н. Вячеслав Шишков: Очерк творчества. М.: Худож. лит., 1984. 272 с.

CHRISTIAN MOTIVES IN V. YA. SHISHKOV'S SHORT NOVEL "THE WANDERERS"

S. V. Glushkov

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

Based on the analysis of V. Ya. Shishkov's short novel "The Wanderers" the article proves the validity of defining V. Ya. Shishkov's creativity as Christian by ideology and also puts forward an idea that the novel was involuntarily altered because of A. M. Gorky's harsh criticism of the original version.

Keywords: *Christian motives, moral conflict, love, death, V. Ya. Shishkov.*

Об авторе:

ГЛУШКОВ Сергей Владленович – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: sglushkov@mail.ru.

About the author:

GLUSHKOV Sergey Vladlenovich – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: sglushkov@mail.ru.